Бизнесу и общинной деятельности суждено было встретиться

Иосиф Зисельс и Андрей Адамовский

Съезды и отчетно-выборные конференции шести всеукраинских еврейских организаций прошли недавно в Киеве, но мы не будем утомлять читателя цитатами из приветствий съездам (среди которых — и пожелания от президента и премьер-министра Украины) и стенограммами выступлений почетных гостей.

Перемены же в еврейской общине используем как повод обсудить проблемы этой самой общины с сопрезидентом Ваада Украины Иосифом Зисельсом.

— Иосиф, в результате выборов два «крышевых» объединения — Ваад Украины и Еврейский совет Украины — возглавили крупные бизнесмены, соответственно Андрей Адамовский и Александр Сусленский. Можно ли это считать новой моделью руководства общиной, учитывая, что такие структуры, как Всеукраинский еврейский конгресс, «Объединенная еврейская община» и др., давно управляются миллионерами и миллиардерами еврейского происхождения?

— На самом деле эта модель принята во всем еврейском мире. Причем, практически каждые год-два меняется первый номер в организации, а №2 — исполнительный вице-президент или исполнительный директор — остается на своей должности, и именно он осуществляет профессиональное руководство структурой. Так, Малькольм Хонлайн возглавляет Конференцию президентов основных американских еврейских организаций, а Дэвид Харрис — Американский еврейский комитет, оба — на протяжении 20 лет, первый — как исполнительный вице-председатель, второй — как исполнительный директор. При этом пост президента и в Conference of Presidents, и в AEK каждый раз занимает новый человек — бизнесмен и филантроп, а не функционер или общественный деятель. Некоторых президентов сегодня мало кто помнит, они перерезают ленточки, произносят речи, будучи визитной карточкой организации, которой реально руководит их заместитель. Так устроена еврейская жизнь и даже для Украины это не ноу-хау. Я еще в середине 1990-х годов предложил воспользоваться этим опытом лидерам всеукраинских еврейских структур, уступив свои места крупным бизнесменам, готовым взять на себя финансирование общинных программ и проектов.

Это естественный процесс, бизнесу и общинной деятельности рано или поздно суждено было встретиться. Кто-то, как, например, мой друг и коллега, глава Ваада России Михаил Членов, предлагает уйти от этой модели, полагая, что общинного лидера могут спонсировать извне — за красивые глаза и светлую голову. Я не такой идеалист.

Это естественный процесс, бизнесу и общинной деятельности рано или поздно суждено было встретиться. Кто-то, как, например, мой друг и коллега, глава Ваада России Михаил Членов, предлагает уйти от этой модели, полагая, что общинного лидера могут спонсировать извне — за красивые глаза и светлую голову. Я не такой идеалист.

— Если мы уж приближаемся к западной общинной модели, может ли этот процесс усилить значение мелких и средних спонсоров, играющих на Западе неизмеримо большую роль, чем у нас?

— И да, и нет. В финансировании городских общин (главным образом, в США) они очень заметны, но на уровне национальных и международных организаций первую скрипку играют крупные доноры.

— Я говорю о местных общинах…

— Опыт их финансирования нельзя механически позаимствовать из западных реалий и пересадить на нашу почву. И не только западных. В Турции, например, где прекрасно развиты общинные институции, недавно восстановили синагогу — это настоящий дворец из «Тысячи и одной ночи», работает дом престарелых, школы — все за средства членов общины. Но у нас огромный разрыв в традиции. В Киеве, например, до революции существовали семь общин, каждая из которых функционировала как за счет взносов рядовых прихожан, так и пожертвований крупных меценатов. Но это было 100 лет назад — преемственность утеряна. Четверть века мы пытаемся ее восстановить, но это не вошло в плоть и кровь, ежемесячный взнос на нужды общины не стал системой.

Когда люди получают 1200 грн. пенсии, и то не вовремя, — о чем можно говорить? Эту цепочку нельзя разорвать — пенсионер кладет в цдаку 10 грн., молодой специалист — 100, мелкий бизнесмен — тысячу, средний — десять тысяч, а крупный — сто тысяч — только вместе это работает. Без нижнего уровня не построить эту пирамиду, все будет завязано на личных отношениях, когда богатый меценат дает деньги неизвестно кому и неизвестно сколько. На съезде поднимался вопрос о том, когда раввины начнут отчитываться за деньги, полученные от спонсоров, — пока этого нет, это просто не принято.

Я тоже убежден, что систему самофинансирования надо восстановить, вопрос в том, как это сделать. Мы пошли с другого конца, с верхушки пирамиды, пытаясь привлечь успешных бизнесменов - евреев, которые кто больше, кто меньше, но поддерживают общинную жизнь — таких, на сегодняшний день, примерно 10% среди предпринимателей еврейского происхождения. У каждого из них своя мотивация, у первого поколения жертвователей еще нет инстинкта меценатства, но есть интерес, возможно, расчет. У их детей это будет на уровне приобретенного навыка, убежденности в том, что они обязаны что-то жертвовать общине.

— На ваш взгляд, апеллировать к среднему классу пока бессмысленно?

— Мы это делаем, достаточно посмотреть на финансовый отчет по летнему лагерю «Шорашим», который спонсируют полтора десятка человек, среди них люди, давшие 1000 или 3000 грн. — это ничтожный процент от общей суммы затрат, но важно, что они дали эти деньги, мы об этом не забываем и стараемся всячески это стимулировать. Конечно, правильнее (хотя и сложнее) получить от ста спонсоров по тысяче гривен, чем от одного сто тысяч, но мы не можем ждать, пока этот правильный путь станет магистральным.

Ваад, объединивший в свое время почти 300 организаций, по идее должен жить на взносы этих организаций, тогда бы они реально его контролировали, влияя на весь механизм принятия решений. А сегодня лидеры региональных общин просто читают наши отчеты, но не могут формировать бюджет, в котором нет «их» денег. Я их в этом ничуть не обвиняю, это проблема всей общины — не может быть благополучной общины в неблагополучной стране.

Тем не менее с завидной регулярностью возникает — в том числе и на этом съезде — вопрос, а не может ли община зарабатывать деньги? И не может ли сопрезидент Ваада, миллионер Андрей Адамовский, ей в этом помочь… Абсурд! Нигде в мире община не зарабатывает деньги. Есть небольшие побочные доходы, покрывающие часть бюджета — так, например, Еврейский музей в Черновцах кормит себя примерно на 25% — за счет продажи входных билетов, книг, сувениров и т.п. Но в принципе община — это институт, который тратит, а не зарабатывает.

Деньги зарабатывают ее спонсоры и прихожане, которые в идеале должны *регулярно* оставлять что-то в цдаке. Стабильности этого финансирования удалось добиться, например, общине Днепропетровска, чей годовой бюджет, формируемый в основном 120-ю членами Попечительского совета, приближается к $5 млн. Это уникальное явление, но и в Днепропетровске не каждый прихожанин дает цдаку. Другое дело, что раввину Каминецкому удалось добиться, что каждое утро бизнесмены-евреи по дороге на работу заезжают в синагогу, чтобы одеть тфиллин… Их к этому приучили, как и давать цдаку, поэтому и община живет более или менее стабильно, но это исключение, а не правило.

Все мы хотим, чтобы еврейская община Украины побыстрее достигла уровня общин западных стран, но это случится не раньше, чем Украина в экономическом отношении достигнет такого уровня. Надо понимать, что произойдет это очень не скоро.

— Вы стояли у истоков общинной жизни еще в СССР и участвовали в десятках подобных съездов. Многим ли отличаются проблемы, стоявшие на повестке дня 20 лет назад, от нынешних? Или все те же люди поют старые песни — синагоги не возвращают, а если возвращают, нет средств на их ремонт, кладбища в запустении, уровень еврейских школ оставляет желать…

— Я помню, как начинался наш фандрейзинг — весной 1988 года, когда мы вышли на первую легальную акцию — уборку еврейского кладбища в Черновцах. Пришло, наверное, человек пятьсот — дружно приступили к работе …и скоро поняли, что много не уберем — надо закупить лопаты, тяпки, вилы, тележки, а деньги где взять?

И одна из наших активисток стала собирать по рублю у всех, кто приходил на эти воскресники. Такие тогда стояли перед нами проблемы — собрать 200-300 рублей на инвентарь.

Разумеется, изменился и масштаб, и объем задач. Мы разве мечтали о строительстве синагог? О реставрации произведений искусства? Начинали ведь практически в вакууме. Действовало несколько подпольных групп по изучению иврита и традиций, все остальные сферы общинной жизни были огромным белым пятном. Я помню, как мы нашли в черновицком архиве и

перевели устав еврейской общины, принятый в 1930-е годы, при румынской власти. И это стало основой нашей деятельности — так мы пытались восстановить традицию, пробелы в которой ощущаются по сей день.

Надо ставить реальные задачи и определять приоритеты. Нам с большим трудом удалось восстановить профессиональный уровень общинной деятельности — подготовить преподавателей, архивистов, социальных работников и т.д. Это потребовало огромных усилий и средств, но это сделано.

В конце 1980-х мы даже не задумывались о возможности лоббистской деятельности в пользу Израиля — в голову такое не могло прийти. Сейчас мы пытаемся решать эти задачи и, так или иначе, за последние 6-7 лет Украина *ни разу* не проголосовала ни за одну антиизраильскую резолюцию ни на одном международном форуме — будь то ООН, ЮНЕСКО или Генассамблея Интерпола. Ни разу. В то время как Россия почти постоянно голосует «за».

— Одним нынешний съезд точно отличался от всех предыдущих — тем, что проходил он на фоне войны. Можно ли говорить о некоем расколе общины в связи с конфликтом на Донбассе?

— Особого раскола я не вижу. Было голосование по резолюции о ситуации в Украине, где большинство делегатов поддержали требование прямо и недвусмысленно указать на Россию в качестве агрессора, с чем не согласилась примерно треть их коллег. Кстати, делегаты конференций остальных организаций поддержали этот вариант почти единогласно, кроме Всеукраинского союза еврейских студентов.

Можно говорить лишь о разногласиях, поскольку раскол предполагает существование чего-то цельного, что вдруг раскололось. Еврейская община у нас никогда не была цельной, и Координационный совет, который мы пытаемся создать, — это ни в коем случае не объединение в единую структуру.

— Если так, то кто, на ваш взгляд, имеет право представлять общину на внутренней и международной арене?

— Внутри Координационного совета могут быть разные мнения, главное — выработать механизм принятия решений — консенсусом, простым большинством, квалифицированным большинством — у каждого из них есть

свои достоинства и недостатки.

Думается, что в самом Совете уровень представительства должен быть разным — как в ООН, где есть просто члены Совета безопасности и постоянные члены Совбеза. Очевидно, что Ваад, Всеукраинский еврейский конгресс или «Объединенная еврейская община Украины» представляют сотни организаций, делегаты от которых избирались на областных конференциях. В то время как есть всеукраинские организации, созданные тремя людьми, — у них просто не может быть одинаковых прав и полномочий.

Что касается функционирования Совета, то можно попробовать принцип консенсуса, подразумевающий возможность блокировки любого решения большинства — да, это осложняет работу, но вместе с тем этот принцип учит договариваться. Есть и другой вариант — условно говоря, парламентский, где существует коалиция и оппозиция. Так устроена Всемирная сионистская организация, состав которой отражает ситуацию в Израиле — партии в ВСО представлены примерно в той же пропорции, что в Кнессете, и в ВСО тоже есть большинство и меньшинство.

В любом случае мы сформулировали наши предложения по работе Координационного совета в качестве пожеланий и необязательных рекомендаций, а не руководства к действию. Так что путь для диалога открыт.

Беседовал Александр Файнштейн,
специально для «Хадашот»

Фото: Е. Заславская